

УДК 94(571)“18”

Между имперской столицей и сибирским социумом: проблема региональной самоидентификации деятелей администрации XIX в.*

Н. П. Матханова

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

Аннотация. Рассматривается вопрос о самоидентификации, осознании деятелями сибирской администрации своего места между общеимперской и региональной идентичностями. Оценивается значение ряда факторов, под влиянием которых могло изменяться соотношение имперского/общероссийского и регионального/сибирского в их самоощущении. Подчеркивается значение объективного расхождения интересов центра и региона, степени сближения представителей власти с сибирским социумом. Приведены примеры различных моделей самоидентификации.

Ключевые слова: сибирская администрация, региональная самоидентификация, центр и регионы, власть и общество.

Территориальная идентичность является одной из самых важных, особенно для Сибири, среди различных видов и уровней идентичности (общеимперская и территориальная, этническая и социальная, профессиональная и культурная и пр.). Определение региональной самоидентификации деятелей администрации XIX в. предполагает сопоставление тех установок, с которыми они направлялись в Сибирь в качестве представителей центральной власти, с их управленческими практиками, их отношения к важным для региона проблемам, если оно отличалось от позиций центральной власти. Необходимо проследить, как изменялось (если изменялось) их самоощущение себя между центральной властью и местным обществом, как влияли на этот процесс их взаимоотношения с местным обществом.

Несколько предварительных замечаний об используемых понятиях.

Понятие «деятели сибирской администрации» охватывает как чиновников, так и офицеров относительно высокого (формально и неформально) ранга – и те, и другие выполняли серьезные функции в сфере гражданского управления. Сибирское общество, как весьма условно можно обозначить, состояло из местного чиновничества, купечества, духовенства и интеллигенции. Таким образом, представители чиновничества присутствовали в обеих рассматриваемых группах. Но речь идет о разных слоях чиновников. Первая группа – это приезжие из Европейской России, с более высоким со-

* Подготовлено в рамках гранта РГНФ и администрации Новосибирской области, № 16-11-54001.

словно-социальным статусом, вторая – сибиряки, которые были ниже по происхождению, менее обеспечены материально, пользовались обычно меньшим доверием начальства и имели более слабые связи с центром, но сильны были знанием сибирских обстоятельств, а также своими родственными и иными связями с местным населением, главным образом с его верхушкой.

Еще одно важное понятие – «региональная идентичность». Существует огромное количество работ, посвященных идентичности вообще и региональной идентичности в частности. Практически все они опираются на определение Э. Эриксона, трактовавшего идентичность «как субъективное ощущение тождества и целостности человека с окружающими объектами» [20, с. 186]. В дальнейшем изложении используются определения из специального словаря: «Региональная идентичность обычно определяется как укорененность в системе самоидентификации человека особенностей и смыслов, на которых строится осознание своей принадлежности к территории. С одной стороны, речь идет о принадлежности к группе (региональному сообществу), которая выстраивается на общих социокультурных основаниях, с другой – региональная идентичность фиксирует соотношенность с пространством (“землей”) при определении “кто есть мы”» [14, с. 143–144]. Важно учитывать, что «региональная идентичность рассматривается как состояние соотношения личности с регионом, где он проживает, региональным сообществом и определенными социальными группами, вызывающее желание и потребность участия в региональных взаимодействиях, связывать свое настоящее и будущее с развитием данного региона» [10, с. 39]. В нашем случае под регионом может пониматься как губерния и/или генерал-губернаторство, так и Сибирь в целом.

Понятно, что, как и в любом другом случае, региональная идентичность конструируется на основе соотношения или противопоставления «мы – они», сравнения с неким другим. Таким другим для Сибири мог выступать центр, другие регионы, Россия в целом, другие страны и т. д. [8, с. 16–17]. В данном случае под центром имеются в виду высшие и центральные органы власти и управления.

Деятельность администрации, характер ее отношений с центральной властью и с местным обществом изучались рядом исследователей, в том числе и применительно к Сибири [см.: 9; 16]. Менее изучена ментальная сторона проблемы и такой ее аспект, как самоощущение глав региона (регионов) в контексте их принадлежности к региональной и имперской общности. Традиционно считается – и совершенно справедливо, что генерал-губернаторы и региональная администрация вообще были важными скрепами империи. Но их статус обуславливал двойственность региональной идентичности: будучи представителями имперского центра в регионе, они должны были в то же время защищать интересы управляемого края. Как правило, деятели администрации приезжали с намерением представлять и защищать интересы высшей имперской власти, как того и требовал закон. Однако соотношение имперского/общероссийского и регионально-го/сибирского в их самоощущении могло быть различным, могло меняться со временем под влиянием различных факторов.

На этот процесс серьезно влияли взаимоотношения с местным обществом, в котором осознание собственной региональной идентичности было развито довольно полно [18, с. 56]. У ряда деятелей администрации существовало представление о сибиряках как о чем-то особом, отличном и обладающем определенной цельностью. Такие администраторы, разумеется, ощущали себя чужими, стоящими вне общества и над ним. Однако даже в таком случае были весьма серьезные нюансы: одни чувствовали не только свою силу и внеположенность, но и враждебность, другие, оставаясь вне общества и над ним, понимали, а порой и принимали его интересы, разделяя заботы и т. д.

Имелось несколько наиболее типичных вариантов.

Для одного из них были характерны борьба если не за власть, то за влияние с настоящей или мнимой оппозицией из местного общества, взаимные обвинения, жалобы и доносы одной «воюющей» стороны и злоупотребления властью и произвол другой. И. Б. Пестель неизменно обвинял сибирских купцов и местных чиновников в «ябедничестве», клеветнических доносах с целью сместить преследующих их за злоупотребления честных губернаторов и генерал-губернаторов. Напомню, что жалобы и конфликты с местным обществом, особенно купечеством и духовенством, привели в конце концов к падению и Пестеля, и Н. И. Трескина. А. Н. Гаращенко подчеркивает заслуги и успехи Трескина в управленческой деятельности [7], но и Пестель, и Трескин противопоставляли себя если не всему местному обществу, то значительной его части. Очевидно, что у них, особенно у Пестеля, вообще мало бывавшего в Сибири, превалировало ощущение себя как представителя имперского центра, присланного в далекую провинцию, интересы которой по большей части оставались ему чуждыми. В лучшем случае подобные деятели администрации ощущали себя представителями империи в регионе, носителями более высоких и развитых цивилизационных начал, просветителями, к членам же управляемого социума они относились как к неразумным детям, нуждающимся в попечении.

Встречался и другой вариант. Заботясь об успешности своей деятельности, главы администрации понимали необходимость решения насущных местных проблем и в таком случае действовали вместе с обществом, в общих интересах. Так, кяхтинский градоначальник А. И. Деспот-Зенович вместе с переводчиком-синологом К. Г. Крымским и представителями купечества В. Н. Сабашниковым и Я. А. Немчиновым «разработал обширный проект торгового трактата, который графу Игнатьеву удалось почти целиком осуществить при переговорах с китайцами» и который обеспечил свободу приграничной торговли [13, с. 588]. Н. Н. Муравьев начал управление Восточной Сибирью с острого конфликта с купцами и золотопромышленниками, к концу вступил с ними в своеобразный союз, прежде всего в амурском вопросе. В основе его лежали не примитивные корыстные соображения, но схожее понимание интересов не только региона, не только коммерсантов, но и империи.

Постепенно некоторые из деятелей администрации начинали осознавать близость собственных интересов и интересов регионального сообщества. А. В. Ремнев писал, что «местная администрация была в большей степени, нежели петербургские ведомства, заинтересована в стабильности, в четких ориентирах и приоритетах» и ее политика «могла расходиться с намерениями центра» [18, с. 18, 17]. Мне кажется, что можно внести некоторые уточнения. Главы местной администрации больше заботились об интересах региона, больше их отстаивали, центральные же власти могли откровенно пренебрегать этими интересами, относиться к проблемам региона, особенно окраинного, как к второстепенным. В таком случае руководители региона оказывались на одной стороне с местным обществом против центральных властей. Не случайно в конце генерал-губернаторства Н. Н. Муравьева в Петербурге уже подозревали в сепаратизме. Подобные явления можно объяснить откровенно колониальной политикой центра по отношению к Сибири. М. С. Корсаков, генерал-губернатор Восточной Сибири в 1861–1870 гг., проживший в крае более 20 лет, даже в официальных отчетах позволял себе откровенную критику в адрес министерств финансов, военного, народного просвещения, внутренних дел, государственных имуществ. Суть замечаний: центральные власти не учитывают интересов региона и намерения и планы местного начальства. Он возмущался несправедливостью отношения центра к Сибири и действиями министра финансов как проводника этой политики [11, с. 335–338]. В «Обзрении Приморской области» он писал: «Хотя осуществление всеподданнейше повергаемых мною предположений потребует новых расходов, но они должны по прошествии нескольких лет покрыться сбережениями, имеющими быть от осуществления этих предположений и ожидаемыми от разработки богатств страны доходами» [15, л. 17]. Аналогичную позицию занял только что приехавший в Сибирь А. Н. Корф. В одном из его отчетов говорится: «...область эта (Забайкальская. – *Н. М.*) приносит казне чистого дохода свыше миллиона рублей и имеет несомненное право рассчитывать, что из этого миллиона будет уделено несколько тысяч на улучшение ее администрации» [6, с. 40]. Но точно по такому же вопросу могла быть и совершенно иная позиция. Генерал-губернатор Западной Сибири Н. Г. Казнаков понимал, что «нужды Западной Сибири весьма велики и требуют ощутительных затрат казенных средств». И все же он указывал: «Я не решался ходатайствовать... признавая это несвоевременным при возникших финансовых затруднениях» Российской империи [3, л. 3–3 об.]. Наиболее обстоятельно эта важная и серьезная проблема изложена в обобщающем отчете А. Н. Корфа. В нем говорится, что расходы на Приамурский край составляют около 13 млн руб. в год, а доходы до 4 млн, но при этом 7 млн идет «на такие общегосударственные надобности, как содержание каторги, конечно, для края вовсе не нужной и составляющей для него тяжелое бремя, а также содержание войска и флота, которые нужны не краю, а целому государству». В результате расходы на сам регион превышают доходы только на 2 млн, однако это положение должно измениться с развитием Дальнего Востока, но и сейчас эта

окраина «имеет столь важное политическое значение для России», что заслуживает «временных пожертвований» [4, с. 69–70].

Защита интересов региона перед вышестоящими властями отвечала и карьерным соображениям. Но и они могли быть различными. Для одних репутация, возможности и перспективы карьеры были связаны преимущественно с развитием и успехами управляемого региона, для других – с благоволением высших и высочайших лиц.

Дело было не только в карьеризме, хотя он вполне естественен для чиновников. Среди причин, побуждавших занимать отличную, а порой и оппозиционную по отношению к руководителям центральных ведомств позицию, было иное понимание интересов не только региона, но и страны в целом. Некоторые деятели администрации, прослужив по несколько лет в Сибири, ознакомились с реальным положением дел, узнали подлинные проблемы региона – порой от представителей местного общества. Для выявления нужд и потребностей региона нужны были надежные и убедительные источники информации – периодическая печать, труды и высказывания представителей сибирской интеллигенции. В результате вырабатывалось иное видение проблем, новое по сравнению с тем, с которым приезжали. Так, Н. Г. Казнаков стал утверждать, что и для Западной Сибири, и для страны важно развитие речного и морского судоходства, выход в приполярные районы и организация торговли с европейскими странами через северные территории [12, с. 29]. В. А. Арцимович одобрил проекты В. Н. Латкина и М. К. Сидорова, связанные с освоением Севера [12, с. 29]. Все эти инициативы поддерживались местным купечеством, часто интеллигенцией, и встречали неприятие, а порой и недовольство в центральных ведомствах.

Даже те, кто не ощущал собственной принадлежности или хотя бы близости к сибирскому социуму, понимали возможность и даже неизбежность расхождения интересов империи в целом и отдельного отдаленного региона. Так, в отчете приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского указывалось: «...желания и старания о заселении Приамурья парализуются общегосударственными соображениями о регулировании населенности (страны. – Н. М.) вообще» [5, с. 6].

Нередко прослужившие в Сибири по несколько лет и пытавшиеся отстаивать ее интересы деятели администрации, даже покинув ее, продолжали интересоваться судьбой региона, участвовать в защите его интересов. А. И. Деспот-Зенович через несколько лет после отъезда из Сибири возглавил комиссию при МВД по ее новому административному делению, «участвовал в разработке сибирской губернской реформы 1895 г., хлопотал о помиловании Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева и определении последнего на службу в Омск, подал свой голос за устройство университета в Томске» [19, с. 27]. В. А. Арцимович поддержал учреждение Сибирского университета, как и открытие его в Томске [17, л. 1].

Очень интересный вопрос – о взаимоотношениях глав местной администрации и областников. Известно доброжелательное отношение к областникам генерал-губернатора Н. Г. Казнакова, о его встречах и беседах с

Н. М. Ядринцевым, его содействии открытию университета – во многом под влиянием идей и записок областников [2]. Начальник штаба Сибирского военного округа И. Ф. Бабков писал: «...никакими законами и распоряжениями начальства невозможно устранить вообще эксплуатацию инородцев сибиряками. Только одно истинное просвещение, т. е. нравственное и умственное развитие народных масс в Сибири, по мнению опытных лиц, хорошо изучивших путем многосторонних изысканий быт сибирских инородцев, можно устранить это зло. Вообще инородческий вопрос в Сибири, в более обширном его значении... по справедливому замечанию тех же исследователей, есть вопрос будущего Сибири» [1, с. 38]. Для рассматриваемой темы важно не содержание этого высказывания, а ссылка на «опытных лиц, хорошо изучивших этот вопрос», т. е. на тех же областников. В данном случае, как и во многих других, они выступали в качестве выразителей интересов сибирского социума.

Исторический опыт подтверждает неизбежность временного и/или постоянного расхождения интересов региональной и центральной администраций. Важным фактором, серьезно влиявшим на региональную самоидентификацию, самоощущение руководителей регионов, был характер их взаимоотношений с сибирским социумом, понимание и признание обоснованности и справедливости его требований.

Список литературы

1. *Бабков И. Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 гг. Разграничение с Западным Китаем. 1869 г. / И. Ф. Бабков. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. – 575 с.
2. *Вибе П. П.* Почетный гражданин Омска // Омская старина. – Омск : Ом. гос. ист.-краевед. музей. – Вып. 3. 1994/1995. – С. 64–68.
3. Всеподданнейший доклад генерал-губернатора Казнакова об управлении Западной Сибирью за 1875–1880 гг. // РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 65.
4. Всеподданнейший отчет о состоянии Приамурского края за время с 1886 г. по 1891 г. – Б. м., б. г. – 84 с.
5. Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1893, 1894, 1895 гг. – СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1895. – 172 с.
6. Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора с сентября 1884 г. по июль 1886 г. – СПб. : [б. и.], 1886. – 58 с.
7. *Гаращенко А. И.* Трескин и Цейдлер – иркутские гражданские губернаторы первой половины XIX в. / А. И. Гаращенко. – Иркутск : Земля Иркутская, Отгиск, 2014. – 400 с.
8. *Гельман В.* Введение / В. Гельман, Т. Хопф // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та ; М. : Лет. сад, 2003. – С. 7–28.
9. Высшая администрация Азиатской России XVIII – начала XX в.: история института, социальный портрет элиты, библиография / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, В. К. Пешкова, И. П. Белоус. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – 131 с.
10. *Дроздова Ю. А.* Региональная идентичность: управление процессом конструирования / Ю. А. Дроздова. – Волгоград : Волгогр. акад. гос. службы, 2011. – 195 с.

11. *Матханова Н. П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в.: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков / Н. П. Матханова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. – 428 с.
12. *Матханова Н. П.* Участие деятелей западносибирской администрации XIX в. в освоении северных территорий // Гуманитар. науки в Сибири. – 2014. – № 4. – С. 28–32.
13. *Мерцалов В. И.* Неудачный портрет // Ист. вестн. – 1911. – Т. 124. – С. 585–593.
14. *Назукина М. В.* Региональная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. – М. : РОССПЭН, 2012. – С. 143–147.
15. Обзорение Приморской области генерал-губернатором Восточной Сибири // РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. 1869 г. Д. 5.
16. Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Л. М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – 261 с.
17. По делу об учреждении Сибирского университета : проект // ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 501.
18. *Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. – Омск : Ом. гос. ун-т, 2014. – 548 с.
19. *Ремнев А. В.* Тобольский губернатор А. И. Деспот-Зенович // Таре – 400 лет : в 2 ч. – Омск : Ом. гос. ун-т, 1994. – С. 22–27.
20. *Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон. – М. : Флинта, 2006. – 341 с.

Between the Imperial Capital and Siberian Society: the Issues of Regional Self-Identity of the Administrative Officials of the XIX Century

N. P. Matkhanova

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

Abstract. This article is dedicated to the issue of self-identity, the acknowledgement by the administrative officials of Siberia, their position between the common imperial and regional identities. The author evaluates the significance of various factors that might have been significant for the correlation of imperial/common Russian and regional/Siberian features in their self-awareness. The author also highlights the objective divergence of the interests of center and regions, the degree of convergence of state officials and Siberian society. In this article the examples of various self-identity patterns are represented.

Keywords: Siberian administration, regional self-identity, center and regions, authority and society.

Матханова Наталья Петровна

доктор исторических наук, профессор

Институт истории СО РАН

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

тел.: 8(383) 330-36-71

e-mail: istochnik_history@mail.ru

Matkhanova Natalya Petrovna

Doctor of Sciences (History), Professor

Institute of History SB RAS

8, Nikolayev st., Novosibirsk, 630090

tel.: 8(383) 330-36-71

e-mail: istochnik_history@mail.ru